

М. Ф. Владимирский-Буданов

**Неизданные законы юго-
западных Славян**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
М11

М11 **М. Ф. Владимирский-Буданов**
Неизданные законы юго-западных Славян / М. Ф. Владимирский-Буданов –
М.: Книга по Требованию, 2013. – 48 с.

ISBN 978-5-4241-7585-5

ISBN 978-5-4241-7585-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Съ другой стороны, въ узаконеніяхъ, написанныхъ на отечественномъ языкѣ, гораздо легче отличать прихѣсь заимствованій, если въ нихъ есть такая. Это сейчасъ скажется въ заимствованныхъ терминахъ. Понятія, нынѣ сдѣлавшіяся въ значительной степени космополитическими, въ старину, у народовъ младенческой цивилизаціи, были совершенно не отдѣлимы отъ языка. Въ узаконеніяхъ, съ которыми мы теперь имѣемъ дѣло, есть нѣсколько яркихъ прихѣровъ тому. Напримеръ, по законамъ Венринца, кто украдетъ что-либо днемъ, платитъ само-шесто (то-есть, цѣну вещи, помноженную на 6), а ночью—„дулицу“, то-есть, вдвое противъ означенной платы. Отчего бы, въ замѣнъ этого чужаго термина, не употребить своего бывшаго въ ходу и въ древне-сербскомъ языкѣ, именно: „сугубо“? Другой причины нѣтъ, кромѣ той, что самый институтъ, выраженный чужимъ терминомъ, заимствованъ. Дѣйствительно, древне-славянское право не знало карательнаго различія денной кражи отъ ночной; его не знало ни древне-русское, ни литовско-русское, ни московское право, ни сербское (законникъ царя Душана); не находимъ его и въ древне-польскомъ (Вислицкихъ и Вартскихъ) статутахъ. И это резонно, потому что при денной кражѣ нужно предположить не менѣе, а пожалуй болѣе сильное напряженіе злой воли, чѣмъ при ночной, то-есть, слѣдуетъ предположить въ преступникѣ болѣе смѣлости и ловкости. Усиленіе наказанія за ночное воровство мы находимъ только въ древне-хорватскомъ правѣ, а затѣмъ въ законодательствахъ другихъ не-славянскихъ народовъ, отъ которыхъ хорватское, очевидно, заимствовало его. Мотивомъ такого увеличенія наказанія служить, очевидно, то обстоятельство, что ночью для собственника уменьшаются средства охраненія и обороны. Но это обстоятельство не должно имѣть ничего общаго съ карательными послѣдствіями татбы; поэтому Русская Правда весьма основательно усилила при ночномъ воровствѣ права собственника на самооборону, позволила безнаказанно убить ночнаго вора (при совершеніи имъ кражи, но не при побѣгѣ); уголовное наказаніе за ночное воровство ни чѣмъ не отличалъ отъ наказанія за денную татбу.

Преимущества отечественнаго языка въ узаконеніяхъ града Каствы и Венринца дѣлаютъ ихъ въ нашихъ глазахъ цѣннѣе многихъ другихъ южно-славянскихъ законовъ, которые написаны на латинскомъ или итальянскомъ языкахъ. Хотя бы эти общины были гораздо значительнѣе и въ историческомъ отношеніи важнѣе маленькихъ общинъ, затерянныхъ въ углу Далмаціи и Истрій, хотя бы содержаніе самихъ

законовъ было несравненно полнѣе и многостороннѣе, такіе законы всегда будутъ для славянскаго права получужими.

Съ употребленіемъ отечественнаго языка въ узаконеніяхъ обыкновенно соединяется и въ содержаніи ихъ сохраненіе національныхъ началъ права, равно какъ и на оборотъ. За исключеніемъ нѣсколькихъ незначительныхъ заимствованій законы города Каствы и общины Вепринской должны быть причислены къ чистѣйшимъ проявленіямъ славянскаго національнаго права. Законы эти не сочинены какимъ-либо докторомъ *juris*, не списаны съ венеціанскихъ, или иныхъ (подобно законамъ многихъ другихъ далматинскихъ общинъ),—они суть не что иное, какъ переложеніе на письмо нормъ обычнаго права. Въ этомъ они вполне равнаго достоинства съ статутами Винодолскимъ и Полицкимъ.

Во всемъ славянскомъ правѣ безъ исключенія чистый переходъ отъ обычая къ закону можно наблюдать только въ статутѣ Винодолскомъ и законахъ Вепринскихъ (статуты Сеньскій и Керкскій составлены на вѣчѣ, но составлены и отношеніе ихъ къ обычному праву неизвѣстно). По Вепринскому памятнику дѣло это происходило слѣдующимъ образомъ: „Лѣта Господня 1507“ предъ церковью св. Анны собрались въ засѣданіе почтенные и разумные мужи-жупаны и старѣйшины града Вепринца, его первый жупанъ и судья Тумничъ, жупанъ Фрабичъ и судья Матко Бранковичъ вмѣстѣ съ остальными старѣйшинами того града... и при нихъ общинный совѣтникъ, назначенный и выбранный полкомъ (народомъ) Мартинъ Дминичъ. Совѣщавшись односовѣтно о благѣ общественномъ, чтобы предупредить на будущее время неурядицы въ полку (народѣ), они рѣшили приказать канцлеру записать старше „законы“, которые всегда соблюдаемы были („держаны“) въ томъ уважаемомъ градѣ Вепринцѣ, съ тѣмъ, чтобъ они и впредь были соблюдаемы и чтобы всегда находились на письмѣ. Въ исполненіе этого, того же „лѣта Господня 1507“ собрались на Вепринцѣ мужи, которые помнили лѣтъ за сто, именно, за сто лѣтъ былъ (помнилъ) жупанъ Чохидъ, даже жупанъ Берико, который помнилъ лѣтъ за девяносто, жупанъ Вратковичъ, который помнилъ лѣтъ за семьдесятъ, жупанъ Фабичъ, который помнилъ лѣтъ за восемьдесятъ; было много (и другихъ) старыхъ мужей, которые помнили прежнихъ властителей—князей Фаваличей. Законы, подтвержденные этими властителями (дѣйствовавшіе при нихъ). Законы, передавшіеся по преданію отъ мужа къ мужу, законы, при дѣйствіи которыхъ Вепринецъ перешелъ отъ прежнихъ властителей подъ гос-

подство Австрiи, когда настали краи и цезари, — эти законы переписали мы и повѣдали нашимъ младшимъ сыновьямъ при нашей жизни. На эти законы далъ намъ господинъ цезарь свою грамоту, когда насъ принялъ въ свои руки отъ Фавалича“.

Повторяемъ, только здѣсь и еще въ статутѣ Винодольскомъ съ такою ясностью появляется органическій переходъ отъ обычнаго права къ закону Въ Винодолѣ точно также собраны были отъ всякаго града Винодольскаго на вѣче (на vkur) старѣйшины, которые болѣе помнили о законахъ своихъ отцовъ и отъ своихъ дѣдовъ о нихъ слышали. Имъ было поручено всѣ добрые старые испушенные (испытанные) законы въ Винодолѣ положить на письмо.

Ни Русская правда, ни Псковская грамота, памятники, стоящiе въ особенно тѣсной связи съ обычнымъ правомъ, не даютъ такого яснаго понятiя о естественномъ переходѣ обычнаго права въ законъ, въ нихъ обычныя нормы прикрыты формою княжескихъ уставовъ. О другихъ славянскихъ узаконенiяхъ и говорить нечего; напимѣръ „законъ благовѣрнаго царя Стефана“ ноставленъ православнымъ соборомъ (духовенства) и благовѣрнымъ царемъ Стефаномъ и всѣми влаетелями царства малыми и великими, то-есть, хотя онъ не естъ выраженiе только личной воли царя, однако и соборъ могъ не быть связанъ прежними нормами въ своихъ новыхъ законодательныхъ работахъ. Во всякомъ случаѣ намъ остается неизвѣстнымъ отношенiе этого законника къ прежнему обычному праву. Даже и личная воля царя проторгается въ законникѣ (въ дополнительной его части) иногда весьма ясно: „Повелѣва царствыми судiямъ“, говорится въ ст. 183-й этого законника.

По Винодольскому статуту и по законамъ Вепринца, первая форма естъ припоминанiе и записыванiе того, что было прежде въ обычаѣ. Здѣсь даже нельзя уловить перехода отъ одной формы къ другой. Прежде всего нѣтъ законодателя: старцы, припоминающiе обычное право, — не законодатели; они только передаютъ нормы, а не творятъ ихъ. Сила нормъ остается та же: онѣ обязательны не потому, что онѣ написаны и приняты, а потому, что онѣ соблюдались отъ вѣка, то-есть, оиыть въ силу обычая. Онѣ записываются только для того, чтобы не исказить ихъ и не забыть. Поэтому содержанiе нормъ при переходѣ въ законъ не измѣняется; напротивъ, онѣ и записываются, какъ сказано, съ цѣлью предупредить ихъ измѣненiе. И такъ, оставалось бы признать такіе памятники сборниками обычнаго права, а не законами въ нашемъ смыслѣ слова. Однако и это было бы опичать ссхiv, отд. 2.

бочно. Общинная власть повелѣваетъ исполнить ихъ, придаетъ имъ высшую санкцію (которою, впрочемъ, пользовались эти нормы и прежде въ состояніи обычнаго права).

Но не по однимъ этимъ высшимъ обстоятельствамъ мы считаемъ законы Вепринца и Каствы достойными всякаго вниманія. Право на такое вниманіе даетъ имъ и содержаніе ихъ. Прежде всего уже изъ сказаннаго сейчасъ слѣдуетъ, что содержаніе памятниковъ (особенно закона Вепринскаго) не современно возникновенію памятника, а гораздо старше его. Ниже мы увидимъ не одинъ разъ, что оно старше своего памятника по крайней мѣрѣ тремя столѣтіями. Далѣе по полнотѣ содержанія, по количеству порѣ, захватываемыхъ ими, наши памятники уступаютъ статуту Полицейскому и отчасти Винодольскому. Именно, согласно съ духомъ древнихъ узаконеній вообще, они обращаютъ преимущественное вниманіе на уголовную сторону права, едва касаясь гражданскихъ отношеній. Впрочемъ законникъ Каствы даетъ нѣсколько весьма цѣнныхъ опредѣленій изъ сферы гражданского права. Затѣмъ большая часть этихъ законовъ заята пормами государственнаго и полицейскаго права, разумѣется—въ своихъ тѣсныхъ предѣлахъ каждой общины.

Въ законахъ града Каствы можно различить слѣдующія части:

1. (ст. 1—3) объ отношеніяхъ общины къ государственной власти (въ частности о десятинѣ).
2. (ст. 4—5) часть процессуальная.
3. (ст. 6—19) уголовная часть.
4. (ст. 20—24) статьи, касающіяся гражданского права и процесса.
5. (ст. 25—31) постановленія полицейскаго характера; впрочемъ къ нимъ примѣшиваются и статьи другаго содержанія.
6. (ст. 32—47) часть учредительная (здѣсь опредѣляются права и обязанности двухъ общинныхъ судей, сотника и сборщиковъ податей („чаркаровъ“).
7. (ст. 48—54) статьи смѣшаннаго характера (объ отношеніи Каствы къ Вепринцу и Мощеникамъ, о пользованіи каштанниками, рыбными ловлями, лѣсомъ, о правахъ и обязанностяхъ „дворника“ и проч.).

Статьи 58—73 (до конца акта) составляютъ хронологическій сборникъ послѣдующихъ узаконеній XVI и XVII вв. Именно здѣсь находимъ:

- 1) постановленіе 15-го декабря 1546 г.—о правѣ на „конфинъ“, общій между Каствой и Вепринцемъ, далѣе объ имуществахъ, выдѣленныхъ общиною на содержаніе правителей (о домѣ, принадлежа-

шемъ правительству и назначенномъ подъ помѣщеніе капитана, о принадлежности капитану (по должности) сѣнокоса „князевъ домъ“ и винограда въ Каствѣ, объ издѣльной повинности въ пользу капитана со стороны поселенцевъ деревни, назначенной для этой цѣли);

2) постановленіе 14-го января 1585 г.—о прекращеніи податныхъ недоимокъ въ общинѣ чрезъ своевременную уплату ежегодныхъ взносовъ; объ увеличеніи числа странниковъ въ общинѣ;

3) постановленіе 29-го іюля 1591 года—полицейскаго характера;

4) постановленіе 18-го ноября 1598 года—о способахъ удовлетворенія по обязательствамъ, при чемъ рѣшается вопросъ: какое имущество движимое или недвижимое прежде подлежитъ продажѣ для удовлетворенія кредитора;

5) постановленіе 4-го января 1611 г.—о томъ, что на мѣсто умершаго совѣтника (изъ числа 12) новый долженъ быть избранъ, и мѣста не должны переходить по наследству или по просьбамъ;

6) постановленіе 20-го мая 1613 г.—объ общей обязательности сторожевой повинности, о прекращеніи ночныхъ буйствъ въ городѣ, о наказаніи за сопротивленіе полицейской власти;

7) постановленіе 21-го января 1614 г.—о томъ, что общественный порохъ и слово, сохраняемые для обороны города, должны быть расходемы съ разрѣшенія общинной власти; дабы содержится запрещеніе носить въ городѣ оружіе и днемъ, и ночью.

На этомъ въ нашей рукописи обрывается рядъ узаконеній Каствы.

Законы Венринца гораздо меньшій по объему, можетъ быть раздѣленъ на слѣдующія части:

1. (ст. 1—7) законы объ отношеніяхъ общины къ органамъ государственной власти („капитану“).

2. (ст. 8—32) постановленія уголовного характера (о кражѣ, убійствѣ, разбоѣ, нанесеніи побоевъ, оскорбленіи чести, незаконномъ пользованіи чужими или общинными имуществомъ).

3. (ст. 33) статьи процессуальнаго содержанія.

4. (ст. 34—37). статьи учредительнаго характера (между прочимъ о избраніи жупана, судей и сотника).

5. (38—39) о правахъ стороннихъ лицъ на пользованіе имуществомъ общины.

6. (40—46) статьи смѣшаннаго содержанія (о судебной компетенціи общинныхъ властей и отношеніи Венринца къ городу Каствѣ, дополнительными постановленія объ отношеніи къ государственной власти, о воровствѣ и проч.).

Нѣкоторыя постановленія, касающіяся внутренней жизни только этихъ общинъ, не отличаются широтою замысла и историческою значительностію. Они вызваны домашними интересами мелкихъ общинъ; однако и такія постановленія не могутъ считаться вполне ничтожными. И памятники гораздо большей важности не свободны отъ такой примѣси мѣстныхъ и узкихъ постановленій: даже въ Русской Правдѣ есть законъ о мостовыхъ въ В. Новгородѣ, опредѣлявшій, кто долженъ мостить отъ такой-то до такой-то улицы. Никто однако не скажетъ, что ими вовсе не можетъ воспользоваться исторія права. Но само собою разумѣется, что въ нашихъ глазахъ имѣютъ несравненно большую важность постановленія, касающіяся существа права, общаго для всѣхъ временъ и народовъ. Важность ихъ для сравнительнаго изученія права Славянскихъ народовъ, надѣемся, не будетъ подлежать сомнѣнію, какъ скоро мы познакоимся съ ними поближе.

Оба памятника, преимущественно же законы Веприяца, имѣютъ ближайшее и поразительное сходство съ Русскою Правдою и узаконеніями той же эпохи, и что особенно замѣчательно — сходство простирается именно на тѣ стороны права, въ которыхъ славянское право отличается отъ правъ другихъ народовъ той же степени культуры.

Сходство замѣчается преимущественно въ главной части узаконеній, именно въ постановленіяхъ уголовнаго характера, съ которыхъ мы и начнемъ, и именно прежде всего отмѣтимъ нѣкоторыя отдѣльныя постановленія, уясняющія основныя понятія о преступномъ дѣйствіи (вмѣненіи).

Законъ общины Вепринской (ст. 9 и 10) говоритъ: „Кто украдетъ въ кошарѣ (скотномъ дворѣ) огражденной, тотъ подлежитъ 5 маркамъ (штрафа). А кто украдетъ въ кошарѣ, не огражденной, подпадаетъ (штрафу) въ марку 1“. Русская Правда въ параллельномъ узаконеніи постановляетъ: „Если кто крадетъ скоть въ хлѣвѣ, или клѣтѣ..., то платить ему 3 гривны и 30 кунъ. Если кто крадетъ скоть на полѣ, или овецъ, или козь, или свиней, то платить 7 кунъ“. Чѣмъ объяснить эту карательную разницу татбы изъ кошары огражденной и не огражденной, изъ хлѣва или съ поля? Очевидно, и Русская Правда, и законъ Веприяца имѣютъ въ виду разницу въ степени преступной энергіи, которой требуется меньше для татбы вещи не охраняемой, и гораздо больше — въ противоположномъ случаѣ. Тутъ дѣйствуетъ тотъ же мотивъ, который сохраняется и до сихъ поръ въ современномъ законодательствѣ при различеніи кражи со взломомъ и безъ взлома.—

Но этотъ мотивъ долженъ бы быть чуждъ той эпохѣ уголовного законодательства, которая обыкновенно считается временемъ частно-правнаго взгляда на преступленіе, временемъ оцѣнки преступленія только по количеству вреда, имъ причиненнаго. И Русская Правда, и законъ Вепринца совокупно и согласно исправляютъ этотъ обветшавшій взглядъ на первоначальную эпоху уголовного права, по крайней мѣрѣ относительно славянскаго права. Общія основанія уголовного права, какъ и права вообще, покоятся на природѣ духа человѣческаго, и слѣдовательно, въ существѣ всегда тождественны.

Но при этомъ слѣдуетъ замѣтить, что не у всѣхъ народовъ съ одинаковою ясностью можно наблюдать эту тождественность главнѣйшихъ основаній права съ древнѣйшихъ временъ. Напротивъ, законодательства многихъ древнихъ народовъ если не оправдываютъ, то по крайней мѣрѣ объясняютъ возникновеніе упомянутаго выше взгляда на первобытное уголовное право. Въ нихъ гораздо труднѣе открыть признаки вниманія къ преступной волѣ дѣятеля; болѣе на виду стоитъ принципъ: „око за око, зубъ за зубъ“. Здѣсь больше поводовъ впасть въ заблужденіе, принявъ такой принципъ за единственный; больше труда выдѣлить скрытыя подъ нимъ истинныя основанія уголовного вмѣненія.

Что касается древняго славянскаго права, то оно проявляетъ указанное начало уголовного вмѣненія съ большею ясностью и сравнительно съ болѣе ранняго времени. Въ частности, въ русскомъ правѣ, и именно въ Русской Правдѣ, видны такіе яркіе слѣды его, что не замѣтить ихъ почти нельзя, хотя во многихъ изслѣдованіяхъ по древнерусскому праву они и до сихъ поръ остаются не замѣченными. Для насъ пока достаточно одной, приведенной выше статьи Русской Правды. Относительно же права другихъ Славянскихъ народовъ выводъ гораздо затруднительнѣе. Какъ извѣстно, польское, чешское и сербское право вовсе не имѣютъ памятниковъ, параллельныхъ Русской Правдѣ и современныхъ ей. Остается одно хорватское право: оно имѣетъ такіе памятники въ статутахъ Винодольскомъ, Керкскомъ, и законахъ города Загреба. Уже на основаніи и этихъ памятниковъ можно прийти къ большому или меньшему правильному выводу на счетъ интересующаго насъ вопроса. Напримѣръ, если въ статутѣ Винодольскомъ не упоминается о причиненіи смерти неумышленномъ и даже случайномъ, то отсюда никакъ нельзя заключить, что эти дѣянія наказывались наравнѣ съ предумышленнымъ убійствомъ, что въ эпоху мести было все равно, почему другой лишилъ жизни моего род-

ственника: я долженъ отплатить ему одинаково во всякомъ случаѣ ¹⁾. Такъ нельзя заключать потому, что въ памятникѣ того же народа, и притомъ болѣе раннемъ, именно въ законахъ города Загреба, читаемъ: „Кто убьетъ человѣка..., отъ того взыскивается вражда (*vinđista* — вира); но если кто во время игры безъ предварительной злобы убьетъ кого-нибудь, то платитъ 100 пенсовъ родственнику убитаго....; если же окажется несостоятельнымъ, то предоставляется усмотрѣнію гражданъ“. Повторяемъ, трудно заключить отсюда, что древне-славянское уголовное право не обращало вниманія на внутренніе мотивы преступнаго дѣйствія. Но въ извиненіе людей, дѣлающихъ по привычкѣ противоположный выводъ, слѣдуетъ замѣтить, что такихъ мѣстъ, бьющихъ въ глаза, и въ хорватскихъ узаконеніяхъ немного; а главное въ статутахъ, до сихъ поръ напечатанныхъ, почти не встрѣчалось постановленій, совершенно сходныхъ съ Русскою Правдою и въ то же время имѣющихъ такое же значеніе для исторіи ученія о вѣнненіи. Напримѣръ, мы не находимъ ни въ Винодолскомъ, ни въ Керкскомъ статутахъ, ни въ законахъ города Загреба статей, соответствующихъ приведеннымъ мѣстамъ Русской Правды о кражѣ вещей, охрапаемыхъ и не охрапаемыхъ. Но вотъ въ памятникѣ, записанномъ гораздо позже Русской Правды, мы находимъ постановленіе буквально сходное. Выше было замѣчено и ниже не одинъ разъ намъ придется замѣтить, что памятникъ этотъ записанъ только въ 1507 г., а содержаніе его состоитъ изъ обычнаго права древнѣйшихъ временъ и вполне относится къ эпохѣ Русской Правды. Думаемъ, достаточно и этого образчика, чтобы понять и признать важность небольшого и неизвѣстнаго памятника, о которомъ идетъ рѣчь, для сравнительнаго изученія славянскаго права.

Но мы не позволили бы себѣ сдѣлать такіе широкіе выводы, еслибы не имѣли въ виду еще нѣсколькихъ весьма важныхъ параллелей между Русскою Правдою и закономъ Вепринца. Этотъ послѣдній, напримѣръ, постановляетъ: „Кто ударитъ (друга) дланью (ладовью), тотъ платитъ марокъ 5. А кто ударитъ пястью (кулакомъ) или камнемъ, платитъ марку 1“ (ст. 20—21). Русская Правда въ параллельныхъ статьяхъ говоритъ: „Если кто кого ударитъ батогомъ, или чашею, или рогомъ, или тупою стороною меча, то (платитъ) 12 гривенъ. А кто ударитъ мечемъ, но не посѣчетъ на смерть, то три гривны; если же

¹⁾ См. *О. И. Леонтовича*, Древнее хорватско-далматское законодательство, стр. 26.

посвѣчать на смерть, то вира" (сп. Троиц., ст. 20 и 24). То-есть, и по законамъ Вепринца, и по Русской Правдѣ удары, не угрожающіе не только жизни, но и здоровью, караются въ четыре и въ пять разъ строже, чѣмъ раны мечемъ, ударъ камнемъ, несравненно болѣе опасныя.

Еслибы подобная странность встрѣтилась въ одномъ только памятникѣ, то кому-нибудь могло бы показаться, что это только странность, необъяснимая аномалія, или (что хуже) мѣсто памятника могло бы подвергнуться различнымъ толкованіямъ, какъ это было съ Русскою Правдою. Но вотъ въ законѣ Вепринца находимъ совершенно сходное постановленіе: ударъ ладонью, во всякомъ случаѣ менѣе опасный, чѣмъ ударъ камнемъ, карается въ пять разъ строже, чѣмъ этотъ послѣдній. Такое сходство въ постановленіяхъ двухъ законовъ, удаленныхъ одинъ отъ другаго и пространствомъ, и временемъ, становится тѣмъ поучительнѣе, чѣмъ сходныя постановленія оригинальнѣе и непонятнѣе, ибо въ странностяхъ предметы расходятся, а не сходятся. Мы видимъ здѣсь не чудачество, не аномалію, а новое доказательство представленной выше мысли о свойствахъ древняго славянскаго уголовного права. Грубая мѣрка оцѣнки преступленія по степени нанесеннаго вреда предполагаетъ и въ этомъ вредѣ нѣчто столь же грубое, матеріальное; для понятія вреда нужно, чтобы былъ выколоть глазъ, чтобы былъ выбить зубъ. Честь есть предметъ неуловимый для этой эпохи права; честь не входитъ въ число объектовъ преступленія. Щекотливость чести, но и то сословной или чиновной, наступитъ позднѣе, въ такъ-называемую среднюю эпоху. Не то находимъ мы въ славянскомъ правѣ, именно въ приведенныхъ постановленіяхъ Русской Правды и Вепринскаго закона. Ударъ, нанесенный дланію (ладонью), есть ударъ не опасный для здоровья, но чувствительный для чести; ударъ камнемъ опаснѣе для здоровья, но не оскорбляетъ чести. Изъ этихъ двухъ благъ, охраняемыхъ уголовнымъ закономъ, этотъ послѣдній ставитъ въ пять разъ выше честь, чѣмъ здоровье. Точно также и Русская Правда считаетъ (и справедливо) ударъ чашею (во время пира), тупою стороною меча, багогомъ, палкою — актами нападенія на честь, за которые и караетъ въ четыре раза строже, чѣмъ за нанесеніе раны обнаженнымъ мечемъ, при чемъ страдаетъ только здоровье, но не честь потерпѣвшаго.

Еще одинъ примѣръ параллели между законами Вепринца и Русскою Правдою: „Кто на кого вынулъ мечъ („пожъ“), платитъ марку одну, если онъ опять его спрячетъ (въ ножны)“, говорятъ законы общины Вепринской (ст. 19). Въ Русской Правдѣ читаемъ: „Кто вынетъ мечъ, но не ударитъ, то гривна кунъ“ (сп. Троицк. ст. 19). При оцѣнкѣ преступле-

нія по количеству нанесеннаго имъ вреда, здѣсь трудно бы открыть дѣйствіе, достойное карн. Одно обнаженіе меча, безъ нанесенія удара, не наноситъ никакого вреда. И по Русской Правдѣ, и по закону Вепринца здѣсь карается покушеніе на преступленіе; кара за покушеніе такъ противоположна грубо объективному понятію о преступленіи, предполагаемому въ первобытныхъ уголовныхъ законахъ, что мы не должны бы встрѣчать ея, и дѣйствительно, не встрѣчаемъ въ большей части ихъ. Но вотъ въ двухъ памятникахъ славянскаго права, возникшихъ на двухъ противоположныхъ концахъ славянскаго міра, мы находимъ ее, и вмѣстѣ съ тѣмъ, находимъ новую точку опоры для высказаннаго общаго взгляда на первобытное славянское уголовное право.

Говоря о сходствѣ законовъ Вепринца съ русскими памятниками древняго права, мы не можемъ не упомянуть, что оно не ограничивается только одною Русскою Правдою, но простирается и на другіе памятники той же и ближайшей эпохи. Напримѣръ, въ законахъ Вепринца встрѣчаемъ статью: „кто жепцинѣ или вдовицѣ свергнетъ покровъ (ресѣ) съ головы, платитъ 50 либръ“ (ст. 24). Въ договорѣ Новгородѣ съ Нѣмцами 1199 г. читаемъ: „если свергнетъ у чужой жены или дочери покровъ („повой“) съ головы, то семь гривенъ старыихъ за срамъ“ (ст. 10). Здѣсь останавливаетъ наше вниманіе не поразительное вѣдннее сходство двухъ узаконеній (хотя и оно поучительно), даже и не то, что одно и то же дѣяніе, по видимому, незначительное карается въ обоихъ узаконеніяхъ довольно тяжело, но то, что оскорбленіе чести женщины у обоихъ славянскихъ народовъ карается гораздо строже, чѣмъ оскорбленіе чести мужчины. По закону Вепринца (ст. 22), кто бы ударилъ, осрамилъ или оскорбилъ („psoval“) человека какой бы ни было „версты“ (званія), платитъ либръ 25. За оскорбленіе чести женщины сверженіемъ покрыва съ ея головы платится, какъ мы видѣли, вдвое (либръ 50).

Законникъ Каствы не заключаетъ въ себѣ такихъ поразительныхъ (почти буквальныхъ) сходствъ съ древнѣйшими русскими памятниками, и вообще по духу и содержанію своихъ постановленій отстоитъ далѣе отъ Русской Правды. Однако и этотъ законникъ относится въ уголовной (какъ и въ гражданской) своей части къ той же эпохѣ и несравненно болѣе удаленъ отъ памятниковъ XV и XVI вв. другихъ славянскихъ народовъ. Извѣстно, что Русская Правда караетъ высшею мѣрою только три преступленія: разбой, поджогъ и конокрадство. Законникъ Каствы караетъ высшею мѣрою (то-есть, смертною казнью безъ возможности за-